

Портрет Елены Майоровой работы ее мужа, художника Сергея Шерстюка. (1994 год).

«Лена Майорова оказалась у меня единственной...»

Вчера, в понедельник, в столичном театре Олега Табакова открылась выставка фоторабот актрисы. А пару недель назад в редакцию нежданно-негаданно пришло письмо, трогательное до слез...

«Дело в том, что я учила Лену, преподавала литературу в 8-9-х классах. И помню ее тоненькой, еще невысокой девочкой-подростком из простой рабочей семьи, жившей на окраине Южно-Сахалинска... Лена оказалась у меня единственной, чьи сочинения, доклады, детские стихи берегла с 74-го года. Потом, когда уехала с Сахалина, наблюдала издалека, как входила во взрослую жизнь моя отличница...

Это письмо для меня, как внутренняя потребность, плач души по человеку, которого знала 25 лет...»

Прислала письмо Людмила Дмитриевна Пашкова. Скромная пенсионерка из Мариуполя. Просто когда-то, в начале 70-х, она преподавала в школе, где училась Елена Майорова. Актриса

МХАТа имени Чехова, сгоревшая заживо во дворе собственного дома 23 августа этого года.

Смерть актрисы - нелепая, страшная - для Людмилы Дмитриевны стала и личным горем. Ну всякая ли учительница станет хранить 20 лет старые школьные тетрадки (и всякой ли ученицы?!). Несмотря на многочисленные переезды - с Сахалина в Нижний Новгород, на Украину...

Мы поехали к ней, встретились, Людмила Дмитриевна показала тетрадки и листочки с детскими, немного наивными стихами Лены. Учительница просила передать их мужу актрисы, художнику Сергею Шерстюку.

Естественно, мы выполнили ее просьбу.

(Окончание на 6-й стр.).

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

Простой тетрадный листочек в клеточку оказался ниточкой, связавшей двух незнакомых людей: учительницу, знавшую Елену Майорову трогательной и угловатой девочкой, и художника, любившего прекрасную и очень ранимую женщину. Теперь им остались только воспоминания...

Отличница

4-я средняя школа города Южно-Сахалинска, где училась Лена Майорова, слыла благополучной. Стояла на окраине, учились там дети из простых семей, многие состояли на учете в милиции. Людмила Дмитриевна Пашкова, учитель литературы, вспоминает, с каким ужасом она шла в класс Лены.

- Я готова была в библиотеку устроиться или уборщицей - лишь бы не к ним... Все «элитные» ученики шли в 5-ю школу. Там порядок был. А мы всю окраину собирали, и Украин-

В августе этого года она еще ходила за грибами... (Фото из семейного архива).

12 лет и 75 дней с Леной Майоровой

ский поселок - улицу Украинскую, где Лена жила. Труднейшая была школа.

...Но учителей не хватало - и Людмила Дмитриевна преподавала литературу во всех трех параллельных девятых классах. Классной же руководительницей девятого «В», где училась Майорова, была Вера Андреевна Елистратова, великодушный педагог, учитель немецкого. Говорят, умела ладить с учениками и отругать могла, и приласкать. Но с Леной как раз было просто - она была круглой отличницей.

- В класс войдешь - никто не готов, а у нее всегда рука поднята. Но не могу же я только ее спрашивать!

Сергей Шерстюк, муж Елены Майоровой:

- Она меня историей детства доводила до почти шокового состояния, потому что в каждой из них был ее потаенный детский мир и с болезнями, и с конфетками. Страшные истории - детские впечатления. Она же болела туберкулезом и много времени по диспансерам провела... А в школе училась отлично, чтобы родители ее не отдавали в санаторий. Она не могла даже понять, почему ее туда отдают. И старалась очень сильно учиться.

...У Леночки, я знаю точно, это ее слова, уже классе 8-9-м было стремление - в Москву, в Москву, в Москву. И непременно во МХАТ причем.

Страшилки

Людмила Дмитриевна: Психология особая на Сахалине. Все приезжали заработать и уехать, а оставались на 20 лет. Так и жили - «временно», квартирантами. Вам бы показать эти поселки рабочие, сельскую местность, вы бы удивились. Дорога пересекает поселок, стены домов забрызганы грязью из-под колес машин, их не красят, не огораживают, в огородах главное - посадить картошку. Вот такой был поселок, где Лена жила.

Сергей Шерстюк: Она мне рассказывала, как в бараках жили, как печку топили. Или как дверью убило кошку. Они с мороза открывали дверь ногой, чтобы быстро проскочить в дом. И кошка попала в дверь, и ее ударило насмерть...

Однажды папа повез ее в Сибирь, к своим родителям-староверам. Она утром проснулась и сквозь обледенелое окошко увидела купола церквей с крестами. А Сахалин - место специфическое, она крепко видела до этого только мельком, на могилах. И решила, что папа отвез ее на могилу, а утром и уехал.

Жила с бабушкой и дедушкой, с их старообрядческими строгими манерами, с требованиями есть очень много сала... Она ненавидела сало. Я - то казачьих кровей, запорожских, и однажды ей предложил единственный вариант: держать сало в холодильнике, резать тонкими ломтиками, и когда оно хрустящее, с разными приправами, то она иногда ела и говорила: да, это не похоже на сало...

Пространство

Людмила Дмитриевна: Я через Веру Андреевну знала, что отец у Лены - водитель, наверное, выпить любил. Мама простая, я ее и не видела ни разу. В семье кто-то еще был (сестра Ира. - Прим. автора)...

Сергей Шерстюк: На Сахалине снег выпадает пухом, как у нас в лучшие рождественские

Лена (слева) в 10-м классе и ее стихи из школьной тетрадки.

Всему...
До меня...
Павшим...
У меня...
Словно...
Она...
Всему...
До меня...
Павшим...
У меня...
Словно...
Она...

дни. И однажды мама пошла в магазин, а Лена пошла за ней, след в след, и вдруг почувствовала, что она идет по воздуху. Это случилось дважды. И вот это хождение над мамиными следами ею воспринималось как очень кодовая история. Как отождествление со страхом и обожествлением матери, с тем, что мама была дома, а она где-то там...

Душа

Людмила Дмитриевна: Одиноклассники относились к Лене с уважением. Она была, как звездочка. А подруги? Я ее смеющейся, виснувшей на плечах подруг никогда не видела.

Сергей Шерстюк: У Ленки не было характера. Все заблуждалось на этот счет и приходило к Ленке жаловаться, чуть что - к ней, сидели за полночь, я уже засыпал, не мог выслушивать их мучительные истории... А Ленка - могла. Не потому, что характер сильный. У нее не было характера, у нее была душа открытая. Я не очень быстро это сообразил.

Одиночество

Людмила Дмитриевна: Классная руководительница мне рассказывала: «Ленка приезжала, такая дылда! Ее и не узнавать». И еще сказала, что у Лены сын, мальчик, годика четыре. А потом говорили, что детей у нее не было и нет. Что она чувствовала себя одинокой...

Сергей Шерстюк: Дело в том, что, как ни старались, как ни выкладывались родители, положили все, чтобы вылечить Леночку от туберкулеза, но она перенесла страшную операцию, она лишилась, чего говорить, всего того, что давало возможность рожать, и пила очень долго гормональные таблетки... Вот откуда идет ее мироощущение. При этом она совершенно чистая и наивная. Сахалинцы все очень наивные люди.

Тайна

Людмила Дмитриевна: Но театр был ее тайной, сокровенной мечтой. Даже в сочинении «Кем я хочу быть» она не писала ни разу, что хочет быть актрисой. Боялась об этом говорить.

Долги

Сергей Шерстюк: ...Приближался день рождения моего

сына, это был 86-й год, Никите исполнилось шесть лет. Надо купить подарок. Я присмотрел луноход, который стоил 13 рублей. Смотрим - у нас только 4 рубля. Набираем два рюкзака бутылки и идем на Пашовский рынок сдавать.

Проходим мимо МХАТа на Тверской - навстречу Олег Николаевич Ефремов: «Ребята, вы что, в поход собрались? Время-то непоходное, Лена, вечером репетиция». А потом добавил: «Да и звук из ваших рюкзаков подозрительный». - «Да вот идем бутылки сдавать». - «Да что ж такое? Ну сколько денег вам надо, 50 рублей хватит?»

И я уже руку за деньгами протягиваю... А Ленка мою руку отводит и говорит: «Спасибо, Олег Николаевич, мы в долг не берем».

Я потом на нее: «Почему не взять, мы же вернем?» А она: «Будем брать в долг - денег у нас никогда не будет».

И как в воду глядела. Через месяц дела у меня поправились, мы уже могли устроить пир в ресторане, обновить Ленке гардероб, есть не просто макароны.

Но с того момента мы ни разу не брали в долг.

Зато давала займы она очень много. И во время панихиды - причем вокруг народу было много - одна актриса подходит ко мне: «Знаешь, я очень много денег Лене должна. Может, я буду всю жизнь цветы на могилу Леночке возить? Или все-таки тебе отдать?»

Из письма учительницы

«Лены не стало, а я так и не успела сказать ей слова благодарности, что она была моей ученицей. Опоздала!

А еще опоздала послать ей рифмованные строчки, написанные несколько лет назад.

...Отличница моя!

Уж сколько лет

смотрю на образ твой «экранный»,
А вижу школьницу портрет,
прилежной, скромной,
очень славной.
Господь, оберегай ее, храни.
Дай не погаснуть искре Божьей.
Пусть впереди не радости одни,
Но озарения пусть будут тоже».

Исповедь Сергея

«Я потом разговаривал с психологом, и с гинекологом, мне говорили, что необходимо было вмешательство врача... У

нее была какая-то реактивная форма переходного периода, в резкой форме.

Она очень любила сидеть на подоконнике, слушать музыку и смотреть, как строится отель напротив нашего окна на улице Горького... Так вот, в субботу она умерла, а накануне, в пятницу, упала с этого подоконника. Падая, зацепилась за стол и опрокинула его. Там были кока-кола и сахарница с сахаром - она разбилась, кока-кола с сахаром - это что-то страшное. Я говорю: «Ты посмотри, в чем лежишь!». Никакой реакции. И только через 5 - 6 секунд: «Ой, я вся мокрая, Сереж, унеси меня, раздень...»

По идее, я собирался умереть раньше. И говорил: завешивание писать не буду, но рассказываю все тебе на словах, ты человек честный и сына моего не обидишь. Мы же были очень веселые и смешливые люди...

Мы познакомились 8 июня 1985 года. И восьмое число мы отмечали не каждый год - каждый месяц! И если за границей звонили каждый день. Я воспринимал все наши расставания очень мучительно.

Иногда я наблюдал со стороны - она была абсолютно ни на кого не похожа! Ни в движении, ни в повороте головы, ни в резком бросании руки.

Все 12 лет и 75 дней, что мы вместе с ней прожили, вообще ни на что не похожи...

Когда приехали ее родственники на похороны, я был в состоянии невменяемом. Сказал им: «Забирайте все». И сейчас открываю трельяж - а там ничего. Ни одной бранзулетки, ни одной вещи, которые - только наши, только история наших с ней отношений... Слава Богу, сохранилось несколько ее платяшек...

... В четверг у меня в мастерской Леня Трушкин, режиссер, обсуждал с нами пьесу, написанную специально для меня с Леной. Ребята ушли, она говорит: «У меня очень болит голова... Ты отпустишь меня в субботу на Сахалин?» - «Зачем?» - «У меня мама и сестра некрещенные, я приеду, рядом с домом церковь, уговорю, чтобы моментально их крестили».

Она заснула, а наутро - ничего не помнит. А потом она падает. И фантастическое ослабление, ангина... Никогда не прошу себе, что уехал тогда. Но я знал, что, когда она болеет, иногда ей лучше побыть одной. Я спросил: «Может, все-таки поедешь со мной?» Она только головой помотала: «Нет».

Сергей говорит о ней, сбиваясь на настоящее время: Лена говорит, Лена думает, Лена - такая стильная женщина, даже если старенькое платьице наденет, это создает ее, особый, стиль.

Это он о любимом платье, купленном в 91-м на Мэди-сон-авеню. О платье, в котором она сгорела.

Анна КАЛИНИНА-АРТЕМОВА.

P.S. «На сорок дней после смерти Лены собрался полон дом людей, а мы сидим рядом с Сережкой Газаровым (муж актрисы Ирины Метлицкой, умершей весной от лейкемии. - Прим. автора). Я тогда разговаривал без умолку, а он сидит, молчит. И подходит кто-то - не помню уже, кто - и говорит: «Сережи, можно посидеть между вами и загадать желание?»